

Т. П. ХЛЫНИНА,

ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, доктор исторических наук (Майкоп)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У НАУКИ О ПРОШЛОМ

Еще несколько десятилетий тому назад понятие глобализации толковалось специа-

листами как явление сугубо экономическое, ограниченное в практике своего бытования исключительно развитыми странами. В настоящее время оно становится общим местом в различных отраслях научного знания и все

¹ *Эйзенштейн С.* Иван Грозный: киносценарий. М., 1944. С. 21–26.

более претендует на универсальность и всеместность своего присутствия. Появившись в конце 1980-х гг. на страницах ряда профессиональных изданий в качестве скорее тревожащего симптома, нежели строго научного термина, глобализация и к началу нового тысячелетия так и не обрела сколько-нибудь внятного и однозначного понимания. По заключению большинства специалистов, это сложный и противоречивый процесс, влекущий за собой не только открытость мира, но и возрастающую напряженность во взаимодействии его частей.

Не менее противоречивыми оказываются последствия глобализации и в социальной сфере, где новые размеры технологических рисков и организационные системы высокого уровня сложности приводят к непрозрачности, нестабильности и хаотичности общественной жизни. Столь резкие изменения, повлекшие за собой не только колоссальную дифференциацию интересов и ценностей общества, но и потерю им элементарной ориентации, принципов оценки действий и общей ситуации, позволили английскому социологу Э. Гидденсу провозгласить наступление эры «поздней современности»¹.

Будучи практически непроницаемой для традиционных методов социального познания, поздняя современность тем не менее успешно осваивается представителями разнообразных ответвлений некогда монолитной науки об обществе. Подобного рода парадоксальное положение дел, складывающееся в исследовательской практике, находит объяснение в смене парадигмальных представлений о разрешающих возможностях и предназначении социального познания. Если ранее «смысл обществоведческой работы заключается в рационализации и развертывании будущего посредством критики настоящего»², то на сегодняшний день он весьма далек от тяжелого бремени социального преобразования действительности³.

Теперь все чаще социальные (гуманитарные) науки начинают рассматриваться в качестве одной из возможных культурных практик современного общества. При этом, по заключению ряда специалистов, они «представляют собою эпистемологическую химеру — соединение сущностно несоединимых феноменов: описание реальности как она есть и идеального проекта, не признающего мир в

его наличном бытии и стремящегося изменить его в соответствии с художественным идеалом. Этот разрыв между проектом и миром... в значительной мере определяет интеллектуальный контекст социальных наук в России, где печатное слово является источником “коллективных” представлений, репрезентом священности»⁴.

Наряду с переменной онтологического статуса меняются и познавательные возможности социальных наук. Длительное время оправданием их существования считалась возможность получения объективного знания об окружающем мире. Однако уже во второй половине минувшего столетия все отчетливее формируется представление о конвенциональной природе самой объективности, нашедшее свое отражение в идее «тотального социального факта», ядром которого выступает сознание исследователя⁵. Такого рода тотальность наполняет собой пространство социальных наук, где сосуществуют и переплетаются «образцы поразительной рефлексии, добротные научные гипотезы и идеологическая риторика»⁶.

В этом смещении разнообразных и зачастую взаимоисключающих стратегий социального познания вопрос о его высокой миссии приобретает совершенно иное звучание. Из некогда действенного инструмента постижения общества оно превращается в один из способов его существования. Причинами столь значительных перемен оказываются как обстоятельства внешнего свойства, так и внутренняя динамика развития самого процесса общественного познания. В данной связи привлекает внимание не всегда явно выраженная взаимосвязь между потребностями общества и задачами, решаемыми социальными науками.

Их тесная родовая близость, приведшая к довольно сомнительному положению социальных исследований в нашей стране и развившаяся в не менее сомнительном принципе «практически проверяемой научной истины», обнаруживает искусственность такого рода совмещений. Она легко теряется в глобализирующемся пространстве и зачастую оказывается неверным спутником обществ, меняющих основные направления своего развития. Наиболее отчетливо подобная ситуация проявляется в кризисном состоянии исторического познания, развитие которого на протяжении, по крайней мере,

¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 596.

² Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 63.

³ Там же. С. 8.

⁴ Социальные науки в постсоветской России. С. 8.

⁵ Колосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 27.

⁶ Социальные науки в постсоветской России. С. 63.

всего предыдущего столетия подчинялось задачам далеко не научного свойства — оправданию строительства социалистического общества и его безграничных возможностей.

Демонстрируя верность идеологическому ориентиру эпохи, оно не только утратило исследовательскую привлекательность, но и породило собственно несвойственную гуманитарному знанию практическую направленность в виде всевозможных сценарных обоснований дальнейшего развития человечества. Столь неоправданные прогностические претензии привели российскую историческую науку к весьма пессимистическому финалу: неустребованности современным обществом разнообразных и не лишенных известной доли полезности сведений о прошлом. Следствием утраты прагматических возможностей оказалась и потеря «высокого» смысла существования самой исторической науки, о чем свидетельствует и «маргинальная роль гуманитарной учености» в нынешних социально-политических процессах¹.

Парадокс заключается в том, что подобное положение вещей является нормой, при которой «гуманитарные науки и должны занимать в социальном пространстве маргинальное место. Когда общество готово забыть о своих насущных заботах и обуяно страстью узнать, что случилось в далеком или недалеком прошлом, с ним что-то не в порядке... Для обычного общества его история и его культура остаются данностью, в принципе важной для его самосознания, но лишенной злободневного азарта»². Однако, освободившись от общественных обязанностей, историческое познание сталкивается с не менее сложной задачей — необходимостью определения собственного профессионального будущего. Несколько эпатазирующий вопрос М. А. Бойцова о том, выживет ли Клио при глобализации³, возвращает историческую науку к поискам нового смысла и оправдания своего существования в складывающемся едином мире.

Насколько привычные исследовательские практики освоения прошлого и созданные ими образцы национальной исторической памяти окажутся востребованными глобальным сообществом, судить однозначно представляется едва ли возможным. Тем не менее уже сегодня не вызывает сомнения тот факт, что

«сами основания устройства прошлого» будут решительно отличаться от привычных для нас представлений — «и по хронологическим предпочтениям, и по отбору материала, и по тому, как отрегулирован баланс между единичным и общим»⁴. Потребность единого общества в единой истории едва ли может быть удовлетворена посредством новой глобальной памяти человечества, основу которого составила бы общность его прошлого. Слишком большая разность отражения этого прошлого в самосознании различных народов, зачастую снабженного изрядной долей небезобидного вымысла, а также самих практик национального историоописания выдвигают в качестве некоей объединяющей общности человечества опыт его совместного потребления⁵.

Прозаичность такого рода идентификационных оснований, на первый взгляд явно противоречащих профессиональным задачам освоения прошлого, как нельзя верно отражает нынешние идейные метания современного исторического познания. Призванное стать надежным хранителем традиций и средством самоопределения общества, оно давно уже утратило гуманистический пафос и способность чему-либо научить. Более того, именно «общая децентрализация идентичности в современном мире» оказалась причиной «дробления и распада больших исторических нарративов»⁶. В условиях отсутствия единой версии прошлого историческая наука все более оказывается в роли приверженца человеческой индивидуальности, способной если и не разнообразить жизнь общества, то, во всяком случае, наполнить ее непреходящими смыслами. В этом пока еще слабо угадываемом будущем домен истории имеет все шансы для своего профессионального сохранения и дальнейшего развития.

¹ Живов В. Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение. 2005. № 4. С. 27.

² Там же.

³ Бойцов М. А. Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 91–108.

⁴ Бойцов М. А. Указ. соч. С. 93.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 103.